

Александр Шмидт

ПОЛЫННЫЕ ПОЛЯ

АЛМА-АТА

Смолоду был я не промах,
Метил в самое яблочко.
– Молоко, молоко, –
Мне в насмешку
Торговка кричит.

ВЕРЛИБРЫ

Верблюды.
Откуда?
Из-за какого бугра?
Местность здесь что ли бедуиниста?
Верлибры – верблюды, из-под пера
Бредущие,
через Сахару чистого листа.

* * *

Помнишь,
дождик чуть слышно заплакал,
Прочитать ты захочешь потом,
Что нам ветер царапал тайком
На асфальте, как курица лапой,
Костенеющим красным листом.

Что-то есть в этой жизни шумящей,
Так, мотивчик, сквозящая нить,
Только сводит с ума тон щемящий,
А к чему? И не тщишь объяснить.

* * *

Одиночество – это когда ты один очень,
Это когда, взглядом окинув округу,
Ты понимаешь обречённо,
Что ты совсем один и
Уже не дозвониться другу,
И даже слово «друг»
ты с трудом вспоминаешь,
А вспомнив, его значение
уже совсем не понимаешь.

СТРОФЫ

В. Веберу

1

И я, мой друг, почти что ветеран
Какой-нибудь Пунической войны,
Скрыплю пером-протезом по утрам
И страшные записываю сны.

2

Радиоактивный пепел на висках.
Что нам осталось молвить на пороге?
Что нас еще трясёт на облаках,
Как на просёлочной дороге.

3

Отшумела весенняя мутная речка,
А ведь страстно как русло вычерчивала.
Вот и руки обсыпала старости гречка –
Будто я эту воду вычерпывал.

СЛОВО

Бесценно слово
Поэтому
За него ничего не дают
Иногда
Убивают

ТАМОЖЕННЫЙ ДОСМОТР

На границе
Этого и того света
Вероятно тоже существует таможня
Ты проходишь ворота
Что-то звенит
И ангелы
Невидимыми лучами
Обшаривают тебя
Чтобы ты
Не пронёс
Свои опасные воспоминания

ПЛЮС МИНУС ЧЕЛОВЕК

Ты уловлен холодным зрачком
камеры слежения.
На тебя завели
биометрический паспорт.
Отпечатки твоих пальцев,
Рисунок радужки твоих глаз
Хранит электронная бестия.

Ты расчислен до последнего гена,
Окончательно оцифрован,
Плюс минус человек.

* * *

Кто ты, где ты, человеке? –
Вдруг очнёшься ночью злой –
На каком земном наречье
Мать звала тебя домой?

Кто ты? – грек, или китаец
Иль, быть может, иудей,
Нелюдимейший скиталец
В лютом сонмище людей.

Где ты? – выронивший имя,
Проворонивший себя,
Гражданин какого Рима?
Мимо – снова не судьба?

Кто тебя к такой-то маме
Спяну ль, сослепу завёз?
Ночь зияет чёрной ямой,
И пылает известь звёзд.

ЗОНА ДОСТУПА

Услышал слабое теньканье
Машинально полез в карман
За мобильником –
Молчит
Поднял голову –
Пичуга какая-то

Я ещё
В зоне
Её доступа

ИКОНА

Ожидал встречи
С Богом
А ткнулся лбом
В холодное стекло

Когда-то давно
В рассветные годы жизни
Вернулся домой
Из дальних краев
Торопя радость встречи
Прижал лицо к окну
Вглядывался в застеклённый сумрак
Ещё не пробудившегося дома

И вдруг
За стеклом
Увидел
Отца

СТАРИК

Отправляясь на вечернюю прогулку
По обыкновению
забывает выключить свет в доме
Чтобы было не так страшно
возвращаться

ХОЛМЫ

Ушло время.

Только горбы видны –
холмы.

И мы
ушли за холмы.

Теперь
и мы –
немы,
будто и мы –
не мы,
а холмы.

ЧУЖАЯ РЕЧЬ

Сначала ты её мучаешь и калечишь,
Пытаясь преодолеть
собственную немоту,
Потом привыкаешь к чужой речи,
Словно к протезу в осиротевшем рту.

НА ПТИЧЬИХ ПРАВАХ

Чужая речь,
конечно же, раздражает.
Но, в конце концов, и птицы
чирикают на непонятном языке.

Здесьние жители
на тебя уже не обращают
никакого внимания,
словно
и ты здесь
на птичьих правах.

НА ВОКЗАЛЕ

В Ганновере
На вокзале
Где-то в углу
На задворках
Прямо на полу
Подостлав под себя пакет с пожитками
Старик что-то быстро записывал
Совсем не обращая внимания
На вечно спешащую мимо толпу
– Брат мой, – хотел было я
К нему обратиться
Голосом хриплым от нежности
– Коллега,
О как я тебя понимаю
Со мной точно так же бывает
Застигнет вдруг «дрянь» эта
И как нарочно некстати
Не выбирая ни места ни времени
И скорчившись скорописью начинаешь
записывать
Едва поспевая
Невесть откуда пришедшие слова
О жалкое счастье
Подачка какого-то там Аполлона
И стыдно и сладко
Но я промолчал
И мимо прошёл
Как все...

РЕАЛЬНОСТЬ

Живём
На бойне.
Лужи крови
Не успевают подсохнуть.

Старательно обходим их
 В слабой надежде
 Не поскользнуться.

СОФИИ К СОВЕРШЕННОЛЕТИЮ

Жить на свете в общем-то не плохо,
 Кот расплавился на солнцепёке.

Бабочки на хвост ему садятся –
 Хоть бы хны – не хочет с ними знаться.

Ты в песочнице, ты марсианка,
 Маечку надела наизнанку.

Две косички, словно две антеннки,
 Ловят музыку небесного оттенка.

Я с тобой, тревожиться не надо,
 И всегда на расстоянье взгляда.

И потом – уйду не навсегда я.
 Снова в мяч играет Навсикая.

Снова всходит и седеет одуванчик
 Или, как ты называешь, – надуванчик.

ВЕСНА ИЗ СТАБИЙ

Ах как идёт ей
 узел тяжёлых волос
 и лёгкая поступь
 так идёт
 что шёлк щебечет у щиколоток

сколько столетий смотрят ей вслед
 а она не оглянется даже

так и пройдёт нас пленяя
 роскошным
 равнодушьем
 спины и бёдер

только сердце
 ветерком обдаст

В КОРИДОРАХ БОЛЬНИЦЫ,
 В ОЖИДАНИИ БОЛИ1
 ПЛАЧУЩИЙ

Хорошо дождю
 Идёт
 И не боится
 Что кто-то
 Заметит его слёзы

2
 В ОКНЕ, ГОРЯЩЕМ НА ЗАКАТЕ

Купи мне халатик
 Не хочу в казённом
 Больничном
 Только не белый
 Купил
 Тебе понравился:
 – Цвета солнышка, –
 Сказала ты
 Когда уходил
 Оглянулся
 Обычно ты мне махала рукой из окна
 На этот раз
 Пламя заката
 Так охватило окна
 Что в нем
 ты сгорела

3
 АНГЕЛОЧЕК

Сказала
 Посмотри
 Вон там
 Ангелочек
 И показала взглядом где
 Сначала я ничего не увидел
 Подумал с ужасом
 Придётся врать
 Что вижу что-то там

на оцинкованной перегородке
 Отделяющий один отсек отчаянья
 От другого
 Всматривался с оторванным сердцем
 И вдруг что-то стало проявляться
 и оживать
 Какой пухленький
 Как новорожденный
 Ты кивнула удовлетворенно
 Да

4

* * *

Какой лёгкой казалась мне жизнь
 Когда я взвешивал на ладони
 Нашего новорождённого ребенка

 Какой тяжкой она оказалась –
 В лёгкой горсти земли
 Которую я бросил на твой гроб

5

ЗЕМЛЯ

Я забыл совсем
 Когда в последний раз
 Трогал землю
 Не ту
 Что мертвеет под асфальтом
 А прежнюю
 С детства знакомую
 Живую
 Родную
 Забытую

 Здесь
 На кладбище
 У свежего холмика
 С испугом сердечным
 Прикоснулся к ней
 И чудо нежданное –
 Живая
 Горячая –
 Твоя ответная ласка

ВРЕМЕНА

Бывали времена,
 когда они с нами то в жмурки,
 То в кошки-мышки насмерть играли,
 Оставляя раздавленные
 человеческие окурки
 Вдоль обочин разбитой
 исторической магистрали.

* * *

Мама русская, папа немец.
 Я ведь здешний – не иноземец.
 Как фамилия, – спросит встречный,
 Говорю – воробей застрешный.
 Пусть не в доме, зато за стрехой,
 Хоть и немец, а не немой.

КАРТИНА ХОКУСАЯ

Это не клён
 в красной рубашке
 В вихре осеннем теряет листву,
 Это пьяный поэт,
 Обезумев от щедрости буйной,
 Мечет на ветер
 Листки со стихами своими
 с летящей листвой вперемешку.

УЛИТКА

По улице спешит улитка
 Немыслимой какой-то марки,
 За ней следит моя улыбка,
 Как за нечаянным подарком.

А голые автомобили,
 Утратив всяческую скромность,
 Пространство рвут в любовном пыле
 И умножают только скорость.

И производятся химеры
 От технотронного зачатья.

Мы потеряли чувство меры,
Рогатую улыбку счастья.

Повсюду мельтешащий призрак.
Размазан мир в безумном ралли.
Покой – божественности признак –
Мы безнадежно потеряли.

О, ты – царица пешехода,
Слезы и сна случайный слиток,
Ты – тайна тайн самой природы,
Ее посланий дивный свиток.

Твой подданный и чуть поддатый
Я, как и ты, отстал от века.
Ужо, бегущему куда-то,
Прочипленному имяреку.

В твоей кибитке известковой
Я буду странствовать неспешно,
Ковать кузнечикам подковы
И складывать попутно песню.

ТРОЯНЦЫ

В той стране, где все троили,
Мухи белые роятся.
Где и мы когда-то жили –
Были граждане троянцы.

Жили-были, поживали,
Огурец четвертовали.
Если горе – горевали.
Если мало – добавляли.

Наши верные Алёны
С корабля на бал спешили.
Ну и что, что вкус палёный
Был у жизни, все так жили.

Нас смахнули, как фигуры
С шахматной доски в отвалы.
Наши, как их там, авгуры,
Видимо, ворон считали.

Ход конем, а наш гроссмейстер
Перестройку стен затеял,

Вот беда: хоть плачь, хоть смейся.
В общем, праздник для ахейцев...

А теперь, где наша Троя?
Где-то там, под слоем пепла.
Мы с тобой её разроем
И от слёз своих ослепнем.

ПОЛЫННЫЕ ПОЛЯ

Я так устал от вечных странствий,
От непроглядной пустоты,
Неистовых протуберанцев
Чужой, ярящейся звезды.

Где мне найти, в каких вселенных,
Парсеков столько пропыля,
Огни родимого селенья,
Полынные поля.

Дом под тесовой тёмной крышей,
В окне зовущий, тихий свет,
Который только сердце слышит,
И льющийся твой силуэт.

ОТРЫВ

1

Что ж, пришла пора выбирать,
Тут уж не отсидеться,
Что-то приходится из себя выдирать
Вместе с кусками сердца.

2

Вот уже позади предполётный озноб,
И ты вброшен в надмирные выселки.
И уходит родная земля из-под ног,
Как опора последняя висельника.

3

Вой железный вырвет из сна,
Чёрным факелом ночь полыхает.
Что я понял о жизни – она
Полусон, полуплач, полустанок.

БРАТУ

Какое счастье
Выстругивать из кусочка
Сосновой мягкой коры
Что-нибудь

Мы были Колумбами
Брат
Когда спускали
на смеющуюся воду
Первых весенних ручьев
Кораблики из коры

Мы даже не заметили
Как пропали из виду
Нашего детства берега.

НАШИ БАБУШКИ

Округ
Лиц
Светятся платочки
Выгоревшие до белизны
На беспощадном степном солнце
Верно
Духа Святого
Голубиная стая
Опустилась на головы их

БАБУШКЕ

АМАЛИИ АНДРЕЕВНЕ ВЕБЕР

1

Всё снится,
а только к чему –
не поймёшь –
Безлюдье и дикое поле без края.
А ты по нему так беспамятно
долго бредёшь,
Без сил, без надежды, себя заставляя.

Ни мужа, ни сына уже не найдёшь.
И звёзд над тобой волчья стая.

2

Только бугор,
Где ветер злей,
Только укор,
Сколь слёз не лей.

3

ОБЕЩАНИЕ

Вырасту,
Куплю тебе
Шерстяную кофту.
Бедная моя,
И по сей день зябнешь
На семипалатинских ветрах.

4

НЕЗАБУДКИ

Vergissmeinnicht
Так по-немецки
синеглазо
Цветок глядит сиротски
В бесконечность
Степного неба
Там в Азии
Взошедший на твоей могиле
Забывтой всеми.

ПОЗДНЯЯ ВЕСНА

Дороже всех сокровищ,
видит Бог,
Мне ворох воробьев,
рассыпанный у ног.

И в луже серенький,
застиранный лоскутик,
И вербы худенький,
продрогший пруттик.

Скворешен удивленных
круглый рот,
Заплаканной весны
застенчивый приход.

ФИНИШ

Что, Одиссей, притих, присмирел,
 Вслушиваешься
 в каждый шорох полночи,
 И тебе не надо уже никаких Сирен,
 Кроме сирены скорой помощи?

Тополя гребут за окном куда-то.
 Скоро, скоро заветный рубеж.
 Вспомнить не могу: Россия, Итака
 Или как её звали допрежь.

Вот ведь какое всплыло слово
 Из каких-то тёмных, немых глубин.
 Солоно хлебал? Хочешь снова?
 В очередь стань, ты здесь не один.

ВЕРБЛЮД

Мне бы вот так
 Научиться
 Переносить эту жизнь
 Спокойно
 С брезгливым высокомерием

ТРУДАРМЕЙЦЫ

На обожженной глине
 Этих лиц
 Клинописью морщин
 Написано такое,
 Что можно прочитать только
 В библиотеке Ашшурбанипала,
 Царя Вселенной.

ГЕРОЛЬДУ БЕЛЬГЕРУ

Жур-жур журчит
 Весенний ручеек
 Приглашает побегать с ним
 наперегонки

Жур-жур* торопит своего сына
 юная мама-казашка

А черноглазый мальчик
 Переминается с ноги на ногу
 Всё никак не решит
 За кем побежать

* Жур – пойдём (каз.).

Александр Русланович Шмидт родился 13 июня 1949 году в Семипалатинской области (Казахстан). Окончил Казахский государственный университет, Высшие литературные курсы при Литературном институте (Москва). Автор поэтических сборников «Земная ось», «Родство», «Преломление света», «Зерна дней», «Здесь и там», « Утро. Полдень. Вечер». Стихи А. Шмидта включены в «Антологию русского верлибра», в издания «Русская поэзия. XX век», «Освобожденный Улисс», «И реквиема медь...» и т.д. Стихи переведены на немецкий, польский и корейский языки. А. Шмидт переводил стихи Готфрида Бенна, Эриха Фрида, Ральфа Грюнебергера, Темирхана Медетбекова. Член Союза писателей СССР и Казахстана (с 1984 года). В настоящее время живет в Берлине.

ВСЛУХ И ПРО СЕБЯ

О ВРЕМЕНИ

Скорее всего, думая о времени, я имел в виду такое состояние человека, когда он забывает о времени. Говорят же: «Счастливые часов не наблюдают», – это время счастья, любви, творчества... Я думаю, каждый в своей жизни, и не раз переживал время, когда время как бы отсутствовало, исчезало... райское, детское состояние. В детстве, случалось, заиграешься, а уже солнце садится, сумерки, и родные голоса зовут тебя домой... И в памяти мы чаще всего возвращаемся в это уже утраченное время, время наибольшей полноты бытия, золотой спелости, округлости его плодов. Время встречи Сейчас и Всегда. Уже тот человек – поэт, даже если он не написал ни строчки, который замечает, чувствует, переживает эту встречу. Она в повседневной жизни, заполненной функциональным, обыденным временем, оказывается на периферии нашего сознания и поэтому ускользает почти незамеченной, оставляя у наиболее чутких людей только смутное чувство постоянной утраты чего-то самого важного, насущного. Поэтому так важно иногда «выглядывать» из мира нашей повседневности, находить «минутку», просвет, окно и созерцать вечное, непреходящее, вспоминая лучшего себя, сокровенного в себе человека.

Каждое подлинное стихотворение – своеобразное окно, просвет, встреча Вечного и сиюминутного, Сейчас и Всегда, и в этом смысле – символ.

О НАЧАЛЕ

Писать стихи я начал лет в восемнадцать, не поздно и не рано. За первые несколько лет погружения в поэзию я перечитал все, что попадало в руки, переживая восторг и ошеломление... Ранний Маяковский, Лорка и Тютчев, потом Пастернак и Владимир Бурич – его подборку я прочитал в Дне поэзии за 1966 год, Хлебников, Олжас – звездные ориентиры... Очень хорошо помню томик Пастернака из малой серии «Библиотеки поэта», цвета осенней листвы, его я взял с собой в армию, меня укатали в начале семидесятых в стройбат на Байкал... А стихи Мандельштама. «За то, что я руки твои не сумел удержать, за то, что я предал соленые, нежные губы...» я проговаривал про себя все долгие месяцы армейской службы.

Родители на мои «лирические погружения» смотрели с опаской, резонно считая, что в нашей многотрудной жизни надо иметь хорошую профессию и твердо стоять на ногах, а не витать в облаках... Конечно, они были по-житейски мудры и правы. Это особенно очевидно стало в нынешние времена.

Да, случались слова одобрения, а это очень важно в начале... С особой благодарностью я помню Тамару Михайловну Мадзигон, она читала лекции по русской литературе в университете и вела что-то вроде литобъединения, я учился тогда на физфаке. Она мне покровительствовала и была постоянным и доверительным читателем моих опусов. Несмотря на благорасположение ко мне, она была взыскательной и требовательной. Однажды услышал от нее обидные для меня слова: «Ты стал хорошим читателем, и это уже много». Я несколько месяцев «молчал», потом прочитал ей новое, и она мне наговорила много незаслуженно восторженных слов. Она написала за год до своей смерти издательскую рецензию

на мою первую книжку – самую глубокую, угадавшую развитие мое на много лет вперед...

О ЦЕЛИ ПОЭЗИИ

Цель поэзии – поэзия. Так или примерно так обмолвился А. С. Пушкин. Поэзия не может служить инструментом политики или идеологии. Она – занятие царственное. Она то, что нельзя «ни съесть, ни выпить, ни поцеловать», в обыденном смысле она бесполезна. Поэзия не молитва, но чем-то сродни религиозному чувству, потому что соединяет «вещи далековатые». Молитва – это ведь тоже попытка человека соединиться не с кем-нибудь, а с Богом. Стоит перечитать державинского «Бога», чтобы почувствовать, что его ода – грандиозная молитва.

В конечном счете предназначение поэзии, как и молитвы, напоминать человеку, что он человек. В наши технократические времена, когда человеку навязывается роль этакого чип-существа, призванного встроиться в какой-то гигантский суперкомпьютер и рабски служить ему, такое предназначение поэзии не кажется мне чем-то малозначительным. Но поэт и поэзия оказались в нынешние времена где-то на обочине новой цивилизации со старым библейским названием ее – царство Зверя.

О ПЕРЕВОДАХ

Переводы для меня – возможность глубокого прочтения поэтов иноязычных, которые мне интересны. Переводы подтверждают, что «нет в мире разных душ, и времени в нем нет».

ОБ АКУСТИКЕ

Для поэзии все времена одинаковы, а вот для восприятия поэзии шестидесятые годы были с самой чуткой акустикой. Потом что-то изменилось, звук потух.

ПОЧВА И СУДЬБА

В каком-то стихотворении Верлен очень небрежно выразился о литературе, литературности: «Всё прочее – литература». То есть то, что не жизнь, то, что искусственно, мертво. У Пастернака есть строчки: «И тут кончается искусство, и дышат почва и судьба». В настоящей литературе всегда «дышат почва и судьба» или, по крайней мере, передан ужас от утраты этих свойств самостоятельного человека.

СЛОВЕСНАЯ МАГИЯ

Там нет поэзии, где нет превращения хлеба и воды обыденности в хлеб и вино праздника, в евхаристию. Если нет в тебе дара творца и чудотворца, праздника не получится. Неслучайно же мы говорим о чем-то профессиональном, но лишенном души и жизни – бездарно.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ

Мой отец был из немцев Поволжья, нечаянно выживший трудармеец. В семье жила, как незаживающая рана, память о моем деде-немце, расстрелянном в 38 году, моя мама – русская, на ее долю выпали и ужасы раскулачивания, и голод начала тридцатых годов, и жизнь в детском доме. Я русский немец. И так уж получилось, что для немцев – я русский, а для русских – немец. Возможно, в моем голосе как-то звучит эта трещинка, если она есть в судьбе.

О МОЕМ ПОКОЛЕНИИ

Поколения – как волны моря Времени. Бывает волна как волна, ничего особенного. А бывает, как в сказке у Александра Сергеевича Пушкина, волна «хлынет на берег пустой, / Расплеснётся в шумном беге, / И очутятся на бреге, / В чешуе, как жар горя, / Тридцать три богатыря...»

Вот так пришло наше поколение. В начале Пути особенно важно, «чтоб не пропасть поодиночке», чувствовать рядом дружеский локоть, слышать голоса и дыхание друзей, пусть иногда и ревнивое, перекликаться друг с другом. Благодарен судьбе и моим друзьям: Саше Соловьеву, Толе Красникову, Володе Базанову, Славе Киктенко, Лидочке Степановой, Ерлану Сатыбалдиеву, Кайрату Бакбергенову, Бахыту Каирбекову, Бахытжану Канапьянову, Шахимардену Кусаинову, Валере Михайлову, Наде Черновой, Тане Азовской, Вере Савельевой, Любе Шашковой, Тане Фроловской, Жене Курдакову, Стасику Ли, Жене Титаеву, Володе Сулыгину, Жуматаю Жакипбаеву, Тане Ровицкой, Вере Галактионовой, Толе Загороднему, Боре Бобылеву, Булату Лукпанову.

Мы были тогда молоды, «с блеском счастливого бессмертия во взгляде», как сказал один великий грек.

Может быть, я кого-то забыл назвать, но не по недоброму умыслу. Река времен многое топит «в пропасти забвенья», что ей слабая человеческая память.

С нами были наши «дядьки»: Морис Давидович Симашко, Виталий Васильевич Старков, Руфь Мееровна Тамарина, Виктор Владимирович Бадиков, Тамара Михайловна Мадзигон, Валерий Александрович Антонов, Инна Васильевна Потахина, Галина Васильевна Черноголовина, Николай Степанович Ровенский, Калдарбек Найманбаев. Ну и главный, хотя и доступный нашему восхищенному и обожающему взору не «дядька», бог, олимпиец – Олжас.

Скромно кланяюсь вам всем: встреченным мною на Пути, и проходящим, и прошедшим, и ушедшим.